

Сергей БАРАНОВ

ОТРОК

ФРАГМЕНТ РОМАНА «НА ЮЖНЫХ РУБЕЖАХ»

С тех пор, как воин доставил отрока в юрту со знатными пленными, они больше не виделись. Чувство благодарности в юноше было замещено чувством обиды, которую он наложил на воина, добывшего ему свободу от рабства. Он сидел возле двустворчатой деревянной двери в туркменскую юрту, где они обитали. Изнутри слышалось ворчание старухи.

Отрок грустил, вспоминал своего верного алабая¹. Несколько лет назад отец подарил ему щенка снежно-белого цвета, мягкого и шерстяного. Оба обрезанных уха и один глаз его были прикрыты чёрной шерстью, как шапкой и глазной повязкой, что делало его морду отчасти миловидной, отчасти грозной. Он улыбнулся, вспомнив о том, как намывал пса, который из-за своего игривого характера был постоянно вымазан грязью, как он вычёсывал его длинную шерсть, всегда серую от пыли. Теперь Аю² вырос в настоящего сторожа, но охранял он не овец, как его сородичи, а его, отрока, всюду следовал за ним. Со своей пышной полукруглой гривой и криволапой уверенной поступью он действительно напоминал медведя. Волки, едва завидев его, трусливо спешили убраться в свои убежища, ибо он был больше них, сильнее и свирепее. Ах, этот белоснежный пёс с мудрыми глазами и чёрным носом, напоминавшим говяжий язык.

Отрок осекся. Зачем, зачем он подумал о говяжьем языке? Теперь он вспомнил о страшных угрозах налётчика, о том, что пёс его мог стать нечестивым ужином для нового хозяина и его шайки. Отрок застонал от обиды.

Снова до его ушей донеслась ругань старухи. Она, видно, гоняла своих молодых подневольных прислужниц. Мало ей было того, что все они находятся в плену! Нужно и здесь показать свою властность, привычку командовать, вместо того, чтобы по-матерински утешить детей в общем горе. Так нет, она каждый час по несколько раз жаловалась на свою горькую судьбу, на страшный рок, на наказания за грехи, где роком и наказанием были не сколько позор и тяготы неволи, сколько общество, в которое это сиятельная старуха попала. Не стеснялась она и лупить девочек, которые подчинились ей, и тем самым показали, что не желают сопротивляться. Сейчас, вероятно, она запустила в кого-то то ли казанок, то ли поварёшку для перемешивания кумыса. Послышался плач.

Отроку осточертела эта старая карга, но и ворваться в юрту, вступить за девочек он не смел. Слишком сильно было воспитанное преклонение перед старшими, кем бы они ни были. Он плюнул с досады и пошёл прочь от юрты.

1 Среднеазиатская овчарка.

2 Медведь (каз.).

С тех пор как его поселили там, под слово воина, приведшего его и обещавшего лично сообщить его родным о необходимости уплаты выкупа, отроку вручили кожаный значок, с которым можно было беспрепятственно передвигаться по лагерю.

Очень скоро он сообразил, что в их юрте было скорее тихо, нежели шумно, скорее мирно, нежели враждебно, скорее спокойно и безопасно. В лагере будто и не потухал солнечный свет. Вокруг было много огня от факелов, ламп, костров. Огонь от очагов виднелся сквозь оголённые остовы юрт.

В конце улочки, что была утоптана между нестройными, корявыми рядами разнообразных кибиток, походных шатров, бедняцких палаток и дырявых навесов, виднелась юрта побольше и побелее. Почему-то к ней направил свои стопы отрок, так как идти в обратную сторону, в поисках своего пристанища, он уже отчаялся. Внезапно, откуда-то сбоку, он не видел точно, огненную полутьму озарила яркая вспышка. Это человек изрыгал изо рта обильную слюну прямо на факел, от чего тот возгорался пламенем. За человеком шла целая вагата. Один на каких-то ходулях возвышался над всеми. Шёл он, словно громадная корявая саранча. Другие люди были с разукрашенными страшными лицами, с высокими, нелепыми шапками на головах. С ними в пляске шли женщины, одетые в некие монетные полосы, они звенели и смеялись неестественно громким, визгливым смехом. Были там и музыканты или их подобие. Никогда ещё отрок не слышал столь отвратительных звуков, издаваемых их дудками, барабанами и глотками.

Каким-то варварским войском, внутри другого, этот вертеп прокатился сквозь лагерные ряды и стал постепенно смолкать вдалеке. Нынешний шум тысяч ртов показался отроку милым и домашним после страшного грохота фиглиарского похода.

Перед собой он увидел нескольких бородатых мужчин, с виду солидных, чистых, что уже удивляло. В подпоясанных добротными кушаками халатах, со смиренно сложенными под грудь руками, они шли в одном направлении. По пути к ним присоединялись другие мужчины и мальчишки. Отрок пошёл за ними.

Этот отряд привёл его на настоящую ярмарку, вроде походного восточного базара, и тут же рассеялся в разных направлениях. Здесь же оказались давешние фокусники и артисты. Вокруг помоста, на котором расположился их балаган, бродили женщины с колокольчиками и монетами на платьях. Одна из них подошла к отроку в упор и задела обвисшими, полуголыми грудями его нос. Он подался назад, а она засмеялась, обнажив чёрную дыру беззубого рта. Эта наглая горгона натурально обыскала отрока, прощупала всё тело и, не найдя ни монеты, с презреньем оттолкнула его прочь.

Издалека он увидел, как на помосте высокий мужчина в одной набедренной повязке вонзил себе в рот меч. В этом адском котле отроку уже ничего не казалось невозможным, он блуждал, будто во сне. Но когда мужчина вынул длинный, тонкий меч обратно и поклонился толпе под одобрительный свист, всё же отрок открыл рот от удивления. Про себя он шептал молитвы, слышанные когда-то урывками: «бисмилляхи рахмани рахим, бисмилляхи рахмани рахим³».

3 С именем Бога Милостивого и Милосердного (араб.).

Толпа расступилась. В середине, в образованном коридоре, два молодца накидали углей, а сверху положили несколько прутьев добела раскалённого железа. Сомневаться в их подлинности не приходилось – жар стоял удушающий. Под крики зазывал перед этой страшной дорожкой появилась женщина, с коричневой кожей и красной точкой на лбу между глаз. Одета она была в полупрозрачное платье, срамное, не покрывающее даже её колен. Однако отрок сообразил, почему надо было так одеваться. С шипением женщина поставила ногу на раскалённый прут. Толпа охнула. Самые недоверчивые стали внюхиваться в воздух, пытаясь ощутить запах прожаренного мяса. Но вокруг по-прежнему стояла вонь от человеческого скопления. Женщина поставила на другой прут вторую ногу и пошла по ним. Когда путь был завершён, она спрыгнула с раскалённых прутьев и стала задира́ть ноги, показывая любопытным свои совершенно здоровые пятки. Медяки посыпались в мешочек, который любезно обносил вокруг мужчина с лицом, полностью обросшим волосами, как у зверя, так что невозможно было понять, то ли брови у него такие пышные, то ли борода: кроме воронок ноздрей и белков глаз было не различить ничего.

Ночь кошмаров для заплутавшего отрока продолжалась. Он поспешил отойти подальше от фокусников. Неподалёку собиралась ещё более пестрая, плотная толпа. Мальчик хотел протиснуться сквозь неё, чтобы выбраться хоть куда-то. Благодаря своей худобе и невысокому росту, ему это удалось, но вышел он не на улицу или открытое пространство, а упёрся в ограду, высотой по его лоб. Она представляла собой воткнутые глубоко в землю кольца, подпёртые балками и соединённые между собой частой паутиной тугих арканов. Взрослым мужчинам, составлявшим собой толпу, перегородка была по грудь, так что они могли наблюдать то, что происходило внутри. Протиснуться обратно было уже невозможно, вокруг было полно народу. Пришлось отроку забираться по арканам, как по лестнице, наверх, не столько для того, чтобы полюбоваться зрелищем, сколько чтобы найти хоть какой-то путь к отходу.

Перед ним разостлалась небольшая песочная арена. Вокруг к ограде жалась шумные, бородатые лица. Кто-то усердно жевал козлятину, кто-то харкал тёмной, коричневой слюной, третьи прикладывались к турсукам⁴ и жадно глотали содержимое.

Напротив него, с другой стороны округлой ограждённой площадки, было место для знатных наблюдателей. Там люди восседали по-восточному, на сложенных слоями подушках, курили кальяны с видом очень значимым, будто турецкие паши или багдадские шейхи. Отроку показалось, что сейчас на площадку должны выбежать райские гурии, чтобы соблазнительными танцами усладить взоры этих высоких гостей – такое он слышал в какой-то сказке.

С правой стороны вдруг началось шевеление. Люди, облепившие ограду, стали расступаться. Послышался многоголосый гул, с приближением превратившийся в лай. Наблюдатели с того края поспешили удалиться, впрочем, без особого порядка. Вскоре место очистилось от толпы, и отрок увидел нескольких крепких мужчин, ведущих на поводу огромную собаку, с отрезанными ушами и отрубленным хвостом. Через особую калитку они вошли на арену.

4 Сосуд, спитый из кожи. Обычно в него заливали кумыс.

Отрок никогда не видел такого пса. Ростом он был с юношу, весом пудов в шесть. Его удлинённую морду от основания носа и до кончика щеки пересекал шрам. Маленькие глазки бегали, как бы в поиске жертвы, злые и страшные. Мускулы собаки выпирали отовсюду, на ней вовсе не было жира, по бокам даже проявлялись рёбра. Видно, пёс был давно не кормленный. Он лаял и кидался в разные стороны, готовый загрызть любого, стоило только двоим индусам, его державшим, ослабить хватку.

Это был настоящий убийца, потомок молоссов, сотнями рвавших в kloчья врагов эпирских⁵ царей и разрушавших своими стремительными атаками строй несокрушимых римских когорт.

Пространство за оградой возле калитки стали занимать другие псы со своими хозяевами. Выглядели они тоже свирепо, да не так, как адский пёс, стоявший на арене в ожидании своей добычи, будь то хоть тигр, хоть сам шайтан. Был там огромный пёс со львиной гривой, вдвое больше немаленького молосса, спокойно сидевший возле двоих странных, желтолицых и безбородых людей в красных платьях и с косичками на затылках. Была овчарка, крупная и злая, сдерживаемая мужчинами с пышными чёрными бровями и птичьими носами с горбинкой.

И тогда отрок заметил своего Аю, которого привёл давешний туркменский жузбасши⁶, который был вынужден отпустить отрока для выкупа, но пса оставил себе. Алабай был вял, сонлив. Его состояние совсем не подходило своей отстранённостью к кровавадной обстановке. Наверняка, подумал отрок, проклятый налётчик то ли перекармлил пса тухлятиной, то ли издевался над ним другими способами. Однако хорошо было уже то, что Аю жив и не съеден, как грозился туркмен.

Молосса отволокли в сторону и крепко держали. На середину арены вышел одетый в дорогой халат и кожаные мягкие сапожки холёный узбек, по всей видимости, из оседлых. Отрок кое-что понимал из его речи.

Предстояла битва, люди хотели зрелища. Узбек растравливал толпу, подзуживал, расшевеливал интерес, рассказывая о превосходных качествах пса индусов. Это был опытный, проверенный на рынках Бухары боец, с чистым послужным списком. В его несгибаемых челюстях, под его смертоносными когтями и точёными клыками только на аренах погибло более десятка псов. Далее он стал сетовать на то, что нет среди всего могучего кокандского воинства храбреца, готового выступить против страшного индийского молосса.

– Может быть, подданные богдыхана хотят выставить своего бойца? Нет? Тогда, может, горцы выставят своего храброго армянского волкодава? Нет? А ты, жузбасши? Хочешь попытать счастья? Вижу, твой алабай совсемдохлый! В нём как раз довольно мяса, чтобы наш фаворит перекусил! Ха-ха!

Отрок был в ужасном состоянии. Его то оттирали от ограды, то толпа снова несла его обратно. Забраться вновь по арканам, чтобы посмотреть на своего Аю, кликнуть его, поддержать, никак не удавалось. Его грубо отпихивали, пинали, отвешивали подзатыльники, чтобы не болтался под ногами. Всем суще-

5 Мастифоподобная порода собак, выведенная в Древней Греции. Царь Пирр Эпирский применял отряды боевых молосских псов в битве при Гераклее.

6 Сотник (каз.).

ством отрок стремился к арене, к единственному близкому существу в этом жутком людском муравейнике.

Казалось, всё проклятое кокандское войско собралось там, чтобы посмотреть, как матёрый, подготовленный пёс растерзает его уставшего друга, потерявшего вместе со своим хозяином волю к жизни.

Прогремела барабанная дробь, звякнул гулкий удар о бронзовый гонг. Толпа засуетилась и в спешке, монолитно, двинулась к арене. Отрок уже не смог так просто прорваться к ограждению – все стремились занять место, чтобы посмотреть на поединок. Отрок уже не видел, как истекал слюной и гадко рычал фаворит, всё ещё сдерживаемый двумя мужчинами.

Это был великолепно обученный боец, выдрессированный лишать жизни других псов. Много сил и монет было вложено в его воспитание. Ещё больше времени – века – потребовалось, чтобы создать путём скрещиваний разнообразных боевых, охотничьих, пастушьих пород, этого страшного зверя. У отнятого от матери щенка немедленно начинали развивать инстинкты убийцы, терзали его голодом, развивали злобу и ненависть ко всему, кроме человека. Особенно натаскивали его против своих собачьих сородичей, натравливали его на других псов, послабее, либо держали на привязи, измождённого голодом, в то время как другая собака лакомилась сырым мясом у него на глазах. Много потешных боёв он провёл ещё будучи щенком, научился хитрости, приобретал умение сильнее хватать зубами, правильнее, больнее работать когтями, изучал наиболее уязвимые места для укусов в районах шеи и живота. Его развивали, заставляли бегать, прыгать, плавать, жевать обтянутые индийским каучуком палки. Позже он загрыз несчётное количество крыс и бродячих псов, барсуков и другую мелкую дичь. Наконец он вошёл в возраст, в нём обнаружили великолепного боевого пса, и он стал выступать на боях, чем принёс несметные богатства своему хозяину и славу себе, как непобедимому. Он мог убивать собак всех известных в Азии пород.

Индийский молосс смотрел сопернику в глаза. Перед ним распласталась огромная туша казахского алабая. Он знал, что соперник силён. Но и только. Сам он гораздо более ловок, быстр, зубы его острее, когти забористей. Алабай имел длинную, плотную шерсть, хоть и потрёпанную. Давно он не исполнял своих прямых обязанностей по охране баранов от худосочных волков! Тем лучше. Ещё важнее то, что у соперника нет воли к жизни, к победе, ни к чему.

Прогудели три удара в гонг. На арене уже никого не осталось, кроме бойцов. Болельщики успели моргнуть, а когда открыли глаза, то увидели молосса, уже терзавшего алабая. Он не спешил, наносил удары, отскакивал, не шёл в длительное единоборство. Почувствовав вонзающиеся в его плоть когти и зубы, алабай задвигался, забегал в робких попытках избежать боли. У него не было цели выжить, вообще не было никакой цели с тех пор, как некого стало защищать. Да и не был он бойцовским псом, он был охранником, волкодавом, пастухом, но никак не убийцей ради куска мяса и рукоплесканий возбуждённой толпы. И всё же, если бы ему перерезали глотку, он умер бы молча, спокойно, быстро. Так что он уворачивался, даже невольно отбивался, пока мог.

Кровь уже не текла – хлестала из нескольких ран, упрямо, методично наносимых в одни и те же места свирепым молоссом. Опытный, он понимал, что

не пришло ещё время для последнего броска, рано ещё намертво цепляться в покрытую густой гривой шею алабая. Он должен ослабеть, потерять кровь и силы, которых в этой туше было изрядно.

Псы сталкивались над землёй в прыжках. Слюна летела в разные стороны к пущей радости толпы. Дикие глаза фаворита вылезали из орбит, когда алабай таки цеплял его, но он тут же бросался в нападение, наносил три, пять ударов за один. У алабая кровоточили уже пасть, зубы и глаза. Толпа хоть и шумела, но очень почтительно, будто в присутствии муллы. Но на самом деле они прислушивались к каждому звуку. Лая не было. Только отчаянное и свирепое рычание, потом визг, всхлипы, клототание, клацанье.

Оба пса устали, но алабай был обречён. Он шатался, хромал на все лапы, передвигался кособоко, норовил упасть ничком, чтобы немедленно быть убитым. И тут молосс собрался с силами. Он прыгнул в отчаянном, завершающем ударе и удачно вцепился в шею алабая. Тот повалился всей тушей и задёргал задней лапой. Молосс стал жевать, в каждом следующем движении челюстей приближаясь к коже, к жизненным артериям алабая, который уже не сопротивлялся. Дело оставалось за малым, ещё двадцать-тридцать хлопков пасти – и кончено. Индус это почувствовал и перестал торопиться, вкладываясь больше в силу, в качество укусов, чем в скорость. Лапами он вдавливал тушу алабая в песок, не позволяя уже обороняться. И тут обрезанные уши алабая шевельнулись. Они уловили среди привычных уже шумов толпы знакомый, тонкий и отчаянный голосок:

– Аю! Аю!

Он не посмел даже шевельнуться, чтобы не упростить задачу молоссу, ведь одно лишнее движение – и тот достанет до вены. Он лишь вскинул глаза. И увидел своего хозяина, своего отрока, вжатого людской массой в арканы перегородки. И всё-таки он тянул через них руки на арену, кричал его имя и горько плакал.

Возможно, алабай Аю не нашёл бы в себе силы, если бы отрок сидел на спине у доброго мырзы, жевал сушёное мясо и подобно остальным радостно наблюдал бой. Но он был в опасности. Толпа могла его задавить. А алабай был обучен защищать.

Не ожидал молосс, что соперник воспрянет. Алабай привёл в движение все мышцы одновременно, резко, порывисто вырвал из челюстей сначала шею, а потом и всю тушу. Сразу же удивлённому молоссу на морду опустилась тяжёлая, будто батырский буздыган⁷, лапа алабая. Вторым ударом был оцарапан глаз. Молосс завизжал. Слишком рано он успокоился, надо было рвать, добивать, пока алабай лежал ничком. Это последнее, что он успел подумать перед тем, как могучие челюсти сжались где-то под его грудью и вырвали оттуда кусок мяса. Славный пёс, рождённый здоровым щенком, но воспитанный злобным гладиатором, издох.

А пёс Аю был воспитан стражем. Он не мог знать правил проведения боёв. Его не натаскивали на других псов. Его учили охранять своего хозяина от всего, что могло представлять опасность. И теперь это была толпа. Он ринулся туда, где с распростёртыми объятиями находился наивный отрок.

7 Вид булавы (каз.).

Им не дали воссоединиться, иначе огромный пёс в прыжке опрокинул бы добрый десяток бородатых болельщиков, и одному Всевышнему ведомо, скольких бы перебил в попытке оградить своего хозяина от опасности.

Свистнула плеть, и сразу кровавых полос образовались на теле пса. Но он не упал, а только покачнулся, и продолжил свой бег к хозяину. Тогда в воздухе блеснул металл сабли.

Голова алабая Аю покатила по кровавой арене и остановилась рядом с трупом молосса.